

№ 86 (3897)

Суббота,

19

июля

1958 г.

Цена 40 коп.

65 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ИЗВЕСТНО, что современники не всегда могут представить себе истинные масштабы того или иного литературного явления, свидетелями которого они были. В одной из последних своих статей Луначарский признавался: «Мы проходили мимо гениев, мимо талантливейших людей нашей эпохи. Правда, они славятся, мы называем их имена, но их рост нам все-таки не совсем ясен. В этом повинны мы все, я не считаю себя исключением. При жизни Маяковского мне и в голову не приходило, что я потом пойму его рост (а еще понял ли я его во всем масштабе?) так огромно значительнее, чем при его жизни.»

Когда Маяковский написал:

После смерти

нам

стоять почти что рядом:

вы на Пе,

а я

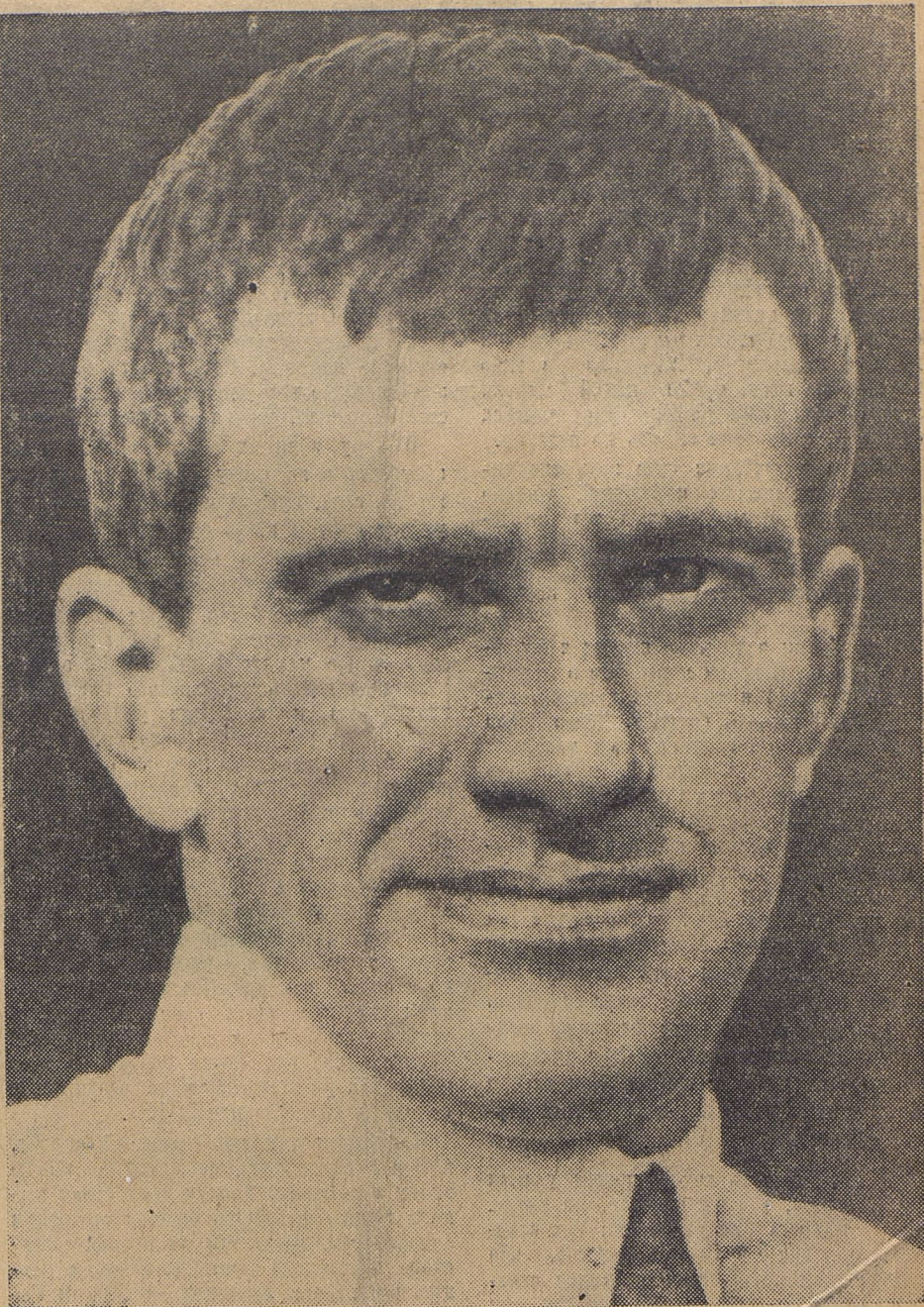
на эМ,

—недоброжелатели подняли ужасный вой, обвиняя поэта в нескромности, зазнайстве и еще бог знает в каких грехах; не было недостатка и в ядовитых островах. Но даже многие поклонники Маяковского, да, вероятно, и сам он, считали эти строки поэтическим преувеличением, доброй шуткой. И вот пройдут считанные дни, и два великих поэта, писавших на русском языке, по праву будут стоять рядом, на соседних площадях Москвы. Бронза — металл бессмертных — увековечила, выражая народное признание, высокий труд певца первой победоносной пролетарской революции.

Свыше четверти века существует «Литературное наследство» — одно из самых серьезных научных изданий, крупнейшее достижение советского литературоведения. И вот в ближайшее время Издательство Академии наук СССР сдаст в книжные магазины первую книгу «Литературного наследства», посвященную советской литературе. Это — знаменательное событие нашей культурной жизни. Мы передаем потомкам наследство, и немалое: непреходящие ценности созданы советской литературой. «Наследство» и «традиции» — еще недавно эти слова были отданы классической литературе. Но все чаще и чаще в послевоенные годы заходила речь о наследии и традициях советской литературы, потому что опыт, накопленный ею, уже настоятельно требовал изучения и осмысления: выдающиеся произведения советских писателей приобретали значение нормы и образца для искусства нашего времени, они становились классическими.

ПЕРВЫЙ советский том «Литературного наследства» (в общей нумерации 65-й) называется «Новое о Маяковском»: в нем впервые напечатаны ряд выступлений Маяковского, свыше ста пятидесяти его писем и многие другие ценнейшие и интереснейшие историко-литературные документы. Публикация новых материалов, которые вобрали в себя сложные особенности ушедшей в прошлое эпохи, в которых звучит живой голос Маяковского, говорящего «о времени и о себе», — это лучший повод для того, чтобы вновь выверить направление нашей исследовательской работы, лишний раз критически оценить установившиеся точки зрения на творчество Маяковского. Само собой разумеется, даже самым добросовестным исследователям придется кое-что уточнить в своих выводах, отбросить некоторые не подтвердившиеся гипотезы, — что ж, в науке это дело обычное. Но все это частности, — в самом существенном творчество Маяковского толкуется нашими критиками и литературоведами верно: в этом еще раз убеждаешься, знакомясь с неизвестными прежде страницами жизни и творчества поэта.

Впрочем, новые материалы опрокидывают только «концепции» фальсификаторов. И тем большее значение вышедшего тома «Литературного наследства», что в последние годы подобного рода «концепции» творчества Маяковского получили за рубежом нашей страны довольно широкое распространение, стали своеобразной модой. То Маяковский объявляется родоначальником такого направления в поэзии, которое, если искать точное название, следовало бы именовать «социалистическим декадансом»; то в его творчестве обнаруживаются два противополож-

В. В. МАЯКОВСКИЙ в 1924 г.
Фото А. РОДЧЕНКО. Публикуется впервые (Из тома «Литературного наследства»)

О времени и о себе

К выходу в свет тома «Новое о Маяковском»

Л. ЛАЗАРЕВ

ных, взаимоуничтожающих потока: искренняя, интимная «лирика сердца» и гражданская поэзия, создаваемая по принуждению.

Наша печать уже выступала против этих искаженных представлений о поэзии Маяковского, но обычно под обстрел брались лишь неверные выводы. А стоит внимательно присмотреться и к «фундаменту фактов», на который опираются эти выводы. При первом же прикосновении гнилой фундамент рассыпается и «концепция» разваливается, как карточный домик. Ведь все это пишется или в обход известных фактов, или без «уважительного» отношения к ним. А когда появляются новые материалы, — кто может заранее учесть, что таит архивы, — они мгновенно подрывают «концепции», введенные на песке подтасованных фактов.

В опубликованном в одном из американских изданий «Комментарий к поздней лирике Маяковского» Р. Якобсон, стараясь обосновать свою мысль о борьбе в поэзии Маяковского двух враждебных потоков — любовного и политического, утверждает: после того как Маяковский закончил поэму «Владимир Ильич Ленин», — «на очереди новый напор лирики». Шестого декабря в письме к Лиле Брик Маяковский кается: «К сожалению, опять тянет на стихи — лирик!» Сейчас это письмо полностью опубликовано в «Литературном наследстве». Оно не оставляет сомнений в том, что речь идет о цикле стихов «Париж». И в этом нет ничего удивительного. Когда Маяковский писал:

Я все осматрел,

поощупал вещи.

Из всей

красотищи этой

мне

больше всего

на столике

понравилась трещина

Антуанетты,

—это тоже было лирикой сердца. Он и в самом деле был лириком, но вовсе не таким, какой представляется Р. Якобсону. Затосковав как-то в Париже, Маяковский пишет: «Теперь с приездом наших (речь идет о приезде первого советского полпреда во Францию Л. Б. Красина. — Л. Л.) хожу и отвожу советскую душу (подчеркнуто мной. — Л. Л.)». Об этом Р. Якобсон забывает, как не помнит он, вероятно, и о том, что среди не оконченных поэтом стихотворений осталось не только процитированное им в последнем письме (статьи, и его Р. Якобсон приводит не полностью, опуская отрывок: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат...», потому что он не укладывается в его надрывно-пессимистическую концепцию). Сохранилось

и другое неоконченное стихотворение. В нем говорится о банкирах, которые «до хруста земной обнимают глобус», и о непримиримой ненависти к ним. Об этом стихотворении лучше умолчать, потому что иначе не докажешь, что поэт погиб, сбитый с ног напором долго сдерживаемого и, наконец, прорвавшегося лирического потока.

И еще один такого рода (право же, далеко не последний из возможных) пример. Вот что пишет Р. Якобсон о последней поездке Маяковского в Париж: «Голков о политике с Т.-ой избегал, а когда заходил разговор на эту тему, несловобохотливо поддерживал официальную линию...» И слова-то какие выбраны... А теперь обратимся хотя бы к впервые публикуемой стенограмме одного из последних выступлений Маяковского. В речи на заседаниях исполбюро Федерации объединенных советских писателей 7 марта 1930 года, поэт говорил: «У нас нет задач, которые [не] существуют у всего Советского Союза, у политической [Коммунистической] партии. Мы должны работать под руководством коммунистических пролетарских кругов, всяческим образом должны связываться с массами». Ну, конечно же, в приведенных словах для человека, добросовестно изучавшего творчество Маяковского, нет ничего нового. Много раз, и до последней поездки в Париж, и после нее, поэт повторял эту мысль. Только в новых материалах «Литературного наследства» можно отыскать десятки подобных высказываний Маяковского.

Так факты сметают «концепции», продиктованные соображениями, не имеющими касательства к искусству и науке.

ТЕПЕРЬ вернемся к науке и попытаемся выяснить, — конечно, в самой общей форме и далеко не в полной мере, — что дают для изучения творчества Маяковского материалы «Литературного наследства». Точнее было бы сказать: для изучения истории советской литературы или даже советского искусства. Кино, театр, живопись, — Маяковский интересовался решительно всем. И не просто интересовался, — он всюду и всегда воевал за искусство, поставившее себя «в услужение... сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — советскому правительству и партии». Он беспощаден к «нарывающим настроениям» в литературе и требует, чтобы деятели искусства откликнулись лишь на один лозунг: «Да здравствует ваша политическая работа, и побольше вашей политической работы, и к черту аполитичность!»

Сказать, что Маяковский находился в самой гуще литературной жизни, — этого мало. Он был на передовой идейного, литературного фронта. Листаешь эти долгие

(Окончание на 2-й стр.)

О времени и о себе

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

годы хранившиеся в архивах стенограммы, и не архивной пылью, а порохом былых сражений на фронте искусства тянет от них. И именно потому, что литературная борьба, литературный быт тех дней запечатлены в них, как на хорошей фотографии, — без писценцировок и парадных поз, отчетливее, нагляднее представляешь себе живой, рабочий процесс литературного развития. Ведь не секрет, что порой даже у студентов филологических факультетов и школьных преподавателей литературы все знания о РАППо и Лефе укладываются в формулы: рапсовская дубинка и лефовское отрицание классиков. А этого все-таки недостаточно. Литературные группировки тех лет (каждая по своему) были сложным явлением. Пестрые по составу, зачастую раздираемые внутренними противоречиями, в своих теоретических установках и организационной деятельности сплошь и рядом уклонившиеся от марксизма, они были рождены тем периодом развития советской литературы, миновать который нельзя было. Осознавая заблуждения, преодолевая ошибки, борясь против чуждых влияний и взглядов, советские писатели отыскивали верные пути для движения вперед. Мы еще очень часто не отдаем себе отчета в том, как все это было непростое и нелегкое. Материалы «Литературного наследства». Сохранившие ответ тех бурных дней, открывают нам многое. Но следует иметь в виду, что это материалы: их необходимо осмыслить. Эта задача стоит перед историками советской литературы.

Невозможно верно толковать творчество Маяковского, не уяснив темы: Маяковский и революция, Маяковский и партия. Вышедший том «Литературного наследства», вводя в научный обиход ряд новых и ценных документов, позволит полнее и глубже осветить эту тему. Прежде всего мы имеем в виду содержательную статью

Е. Наумова «Ленин о Маяковском (новые материалы)». Анализируя все отзывы Ленина о поэзии Маяковского, Е. Наумов показывает и эволюцию ленинского отношения к поэту, и то, как благоприятная была для дальнейшего развития Маяковского критика Ленина и его похвала стихотворения «Прозаседавшиеся». В статье приведено ценнейшее признание на этот счет самого Маяковского. По словам одного из современников, поэт в 1925 году вспоминал: «Ильич хорошо сказал... Какой я тогда мог быть коммунист? Я принимал Октябрьскую революцию как интеллигент-анархист, с отрывкой старья, но вот если Ильич уже признает, что мое политическое направление правильно, выходит, что я делаю успехи в коммунизме. Это для нашего брата самое насущное, самое главное!»

С годами взгляды Маяковского менялись: по-иному он представлял себе задачу искусства, по-иному понимал его природу, точнее и глубже осознавал цели культурного строительства. Одно оставалось неизменным — его сыновнее отношение к революции и партии. А это было главным, решающим.

В речах и статьях Маяковского даже последних лет немало уязвимого, особенно с точки зрения нынешнего состояния литературной теории. Но эстетика Маяковского — это не просто приведенные в какую-то систему теоретически высказывания поэта, а те идейно-художественные принципы, которые были основой его творений. Такое понимание дает возможность шире взглянуть на одну из самых сложных проблем — проблему эволюции поэта, поможет окончательно отбросить те точки зрения, согласно которым эта эволюция, в сущности, представлялась иллюзорной. К подобному выводу в конечном итоге приходили и те, кто доказывал, что все сильные стороны дарования Маяковского сложились в предреволюционную эпоху, и те, кто в зрелых вехах поэта находил незгладимые следы заблуждений молодого

сти. Стоит только выйти за пределы общетеоретических рассуждений поэта — к его произведениям, и несостоятельность такого рода суждений станет очевидной. Того Маяковского, о котором после первых встреч Луначарский в июле 1917 года писал: «...превратительный, молодой полувеликан, зараженный кипучей энергией, на глазах идущий в гору и влево», от автора поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» отделяет немалая, хотя и стремительно пройденная дистанция.

Когда Луначарский в 1925 году говорил: «Маяковский имел несчастье начать во время буржуазного декаданса, но имел счастье выйти из него, — пролетариат его выручил. Он становится все больше и больше на твердую почву, но ему нужно совсем забросить то, что ему внушил буржуазный декаданс», — это было в общем верно, хотя отнеси сказанное надо к Маяковскому более ранних лет. Прав был Луначарский и тогда, когда за четыре года до этого, говоря в одном из писем о чертах футуризма в поэзии Маяковского, заметил: «...Это проходит, но проходить будет тем скорее, чем больше будут бить Маяковского люди, которых он не может не уважать». Одним из таких людей был сам Луначарский. Не во всех спорах с Маяковским истина была на его стороне, и он иной раз не находил верного решения серьезных вопросов, но в большинстве случаев претвращения и укоры Луначарского были обоснованы. Его постоянное внимание к Маяковскому, которое выражалось и в резкой критике, и в дружеской помощи, несомненно, оказало воздействие на эволюцию поэта. Взаимоотношения Луначарского и Маяковского необходимо исследовать обстоятельно и серьезно — это существенно обогатит творческую биографию Маяковского.

НЕКОТОРЫЕ болезни проходят бесследно. У других есть неприятное свойство: они дают осложнения, лечить которые приходится и через много лет. Вульгарный социологизм — болезнь, перенесенная нашим литературоведением довольно давно. А вот осложнения, которые он вызывал, долгое время да-

вали себя чувствовать. Вышедший том «Литературного наследства», да и некоторые другие работы последних лет свидетельствуют, что мы избавляемся от одного из очень неприятных последствий вульгарного социологизма — настороженного отношения к проблемам, связанным с личностью писателя и его творческой лабораторией.

Нельзя сказать, что биографией Маяковского не занимались. Нет, о его жизни писали немало, но как-то так получалось, что творчество и биография поэта были отделены друг от друга, особенно когда речь заходила о наиболее «личных» произведениях, посвященных любви (не случайно атака на наше толкование Маяковского шла прежде всего в этом направлении). При чтении же иных статей и исследований не давала покоя мысль, что авторы известную метафору: «Я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье», — понимают буквально. Что же касается немногочисленных статей, раскрывающих творческую лабораторию поэта, то их обычно относили «кударибу на Ща» (показательно, что в книге «Семпнарий по Маяковскому» нет даже такой темы — «Творческая лаборатория»).

Эти пробы в изучении Маяковского начинаются, наконец, восполняться. Том «Литературного наследства» богат биографическими материалами. В обширной статье В. Земскова «Участие Маяковского в революционном движении (1906—1910)» детальнейшим образом исследуются события революционной личности поэта, его связи с большевистским подпольем, его неадекватная деятельность в качестве члена МК РСДРП. Статья дает наиболее полный свод документов (как известных ранее, так и вновь обнаруженных), связанных с этой темой. Малозвестные стороны и спорные вопросы биографии поэта рассматриваются в статье Е. Динерштейна «Маяковский в феврале — октябре 1917 г.». Автор, опираясь на многочисленные документы, опровергает некоторые гипотезы и предположения, рожденные стремлением, быть может, и безот-

четным, представить Маяковского человеком политически более зрелым, чем он был в ту пору.

С новой стороны раскрывается облик поэта в письмах и телеграммах к Л. Брик (их 125 в томе). Не все эти письма одинаково интересны, немало среди них и таких, которые послужат лишь источником для летописи жизни поэта. В начале своей автобиографии Маяковский писал: «Я — поэт. Этим и интересен... Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только если это отстоялось словом». Так вот письма к Л. Брик привлекают прежде всего тем, что многое, о чем в них говорится, затем «отстоялось словом» в стихах Маяковского. Письма эти обогащают образ поэта: он предстает в них человеком изумительной душевной чистоты и щедрости.

«Лаборатория — это жизнь и мозг всякого ремесла», — говорил Маяковский. Эти слова З. Паперный поставил эпиграфом к своей статье «Маяковский в работе над поэмой «Прото» (три рукописи поэмы)». И эпиграф этот оправдан. Но автор не ограничивается анализом рукописей поэмы и «процесса оформления художественной мысли», анализом, следует отметить, скрупулезным, тонким и точным. Он дает затем верную и глубокую характеристику идейного содержания «Прото», которая важна и для понимания логики творческого развития Маяковского. Такого рода исследование творческой лаборатории художника представляется нам наиболее плодотворным. Это же направление работы в общем отличает и статью В. Катаняна «О некоторых источниках поэмы «Хорошо!», в которой «отчаянная ставка историческому материалу и поэтическим строкам» показывает, что материал истории был использован поэтом «со всей бережностью и со всей преданностью идеям великого Октября»; и статью В. Арутюнян «Записные книжки Маяковского», которая послужит первым универсальным путеводителем по богатейшим (ведь поэт считал, что «для писателя эта книга — всё») и еще мало изученным материалам творческой лаборатории, за-

ключенным в сохранившихся 73 записных книжках Маяковского.

Есть в статьях и спорные положения. К сожалению, мы лишены возможности сейчас полемизировать с ними. Но, бесспорно, эти статьи имели все основания для того, чтобы появиться в томе «Литературного наследства». Такого права не имела, на наш взгляд, лишь статья Н. Харджиева «Заметки о Маяковском». Мы понимаем замысел редакции: показать, что образный строй Маяковского вырос на почве богатейшей поэтической культуры. К сожалению, эта задача решена в статье Н. Харджиева неудовлетворительно. Стремление по что бы то ни стало найти литературные первоисточники тех или иных образов Маяковского часто приводит исследователя к патетическим сопоставлениям. И даже когда есть какое-то сходство (большей частью — просто совпадение), это ничего нового не открывает нам в Маяковском. Для исследовательской работы подобные самоцельные наблюдения — дорога в никуда.

Но не этой «ложкой дегтя» хотелось бы завершить разговор о томе «Новое о Маяковском». Нельзя не сказать специально о том, какого большого труда и подлинного энтузиазма требовало создание этой книги. Ведь за каждой архивной строчкой текста, за каждой новой фотографией (а том богат иллюстрациями) — недели упорных поисков. И этот труд, этот энтузиазм — лучшее выражение любви к Маяковскому. Не стоит много говорить о том, что книга удалась. Лучше напомним редакцию, что теперь с особенным нетерпением ожидает выхода уже подготовленного к печати второго тома, в котором должны быть опубликованы новые воспоминания о Маяковском.

ТРУДНО рассказать о том, чем стала для нас поэзия Маяковского. Можно определить место его творчества в советской литературе. Можно показать силу того влияния, которое он оказал на развитие современной мировой поэзии. И все-таки этого будет недостаточно. Нет, не только литературы нашей, но самой жизни уже нельзя вообразить без этих звенящих, обжигающих строк.